

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА: ОБЩЕФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Конец старого века и начало нового служат благоприятным моментом для осмысления, подведения итогов динамики развития современной науки, так как для её движения вперёд, для создания нового переосмысления и критический взгляд на достигнутое неизбежны. Этим обстоятельством объясняется появление в последнее время статей, монографических работ и обзоров, осмысляющих определённые аспекты отдельных наук и намечающих перспективы их дальнейшего развития.

Лингвистика в этом плане не является исключением. «Язык и наука конца XX века» [1], «Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века» [2], «Лингвистические исследования в конце XX века» [3], «Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы» [4] - вот лишь некоторые из большого списка работ, посвященных современному состоянию этой науки, авторы которых подводят итог развития лингвистики в целом, соглашаются, спорят, высказывают своё видение относительно путей её дальнейшего развития.

«Для современной лингвистики характерно множество выдвинутых концепций, которые оказывались дискуссионными, спорными, получили неоднозначную оценку. Лингвистика конца XX века переживает становление новой системы идей и представлений» [5], - взвешенно и беспристрастно отмечает Ф.М. Березин и определяет её статус как полипарадигмальный, разделяя в этом плане точку зрения Е.С. Кубряковой [6]. По мнению П.Б. Паршина, история лингвистики XX века - «это история перманентного методологического мятежа, протекающего на фоне и в форме последовательных теоретических переворотов» ... «осуществляемых со значительной лёгкостью и встречаемых благосклонно» [7].

С одной стороны, эта «благосклонность», а точнее, *готовность* - лингвистов к смене предметно-объектных областей своих исследований (парадигм) вполне закономерна. Во-первых, познающий субъект постоянно стремится расширить, углубить и разнообразить предмет своего изучения для наиболее полной и объективной характеристики интересующего его объекта. Во-вторых, и сам объект может претерпевать определённые изменения. Например, традиционным объектом лингвистики начала века в понимании приверженцев сравнительно-исторического метода, структуралистов и до определённой степени генеративистов выступал язык - языковая система, система конструкторов и правил их комбинирования. В настоящее время, когда интерес от того, как устроен язык («как - лингвистики»), смещается к объяснению («почему/зачем лингвистике») [8], правомерно обращение к языку как *системе концептов и стратегий пользования ими* в процессах говорения и понимания речи, в процессах смыслопорождения, то есть в речевой деятельности. В свою очередь, желание проникнуть в глубь объекта исследования видоизменяет предметный ракурс, «расшатывает парадигму» и требует новых познавательных возможностей. Такими возможностями, заложенными ещё в генеративной теории Н. Хомского, например, при рассмотрении языка как феномена ментального, феномена психики человека, «языка внутри нас», в большей степени обладают *когнитивные науки*, которые исследуют знания во всех аспектах их получения, хранения и переработки.

Как известно, одним из внешних факторов появления когнитивной лингвистики послужило накопление данных в смежных с ней науках: психологии, нейрологии, компьютерных исследованиях, что предопределило, с одной стороны, её интегративный характер, а с другой - обусловило гетерогенность представленных в ней направлений, объединяемых, в конечном итоге, одним тезисом: *за языковыми структурами стоят структуры знаний*. Сумев объяснить многое, что было не под силу структурализму, когнитивная лингвистика в настоящее время

находится в процессе формирования, считая своей основной задачей описание и объяснение языковой способности человека говорящего, а также *создание когнитивных моделей, объясняющих принцип и механизм функционирования определённых когнитивных структур*.

Однако обратимся к другой стороне современной лингвистической «полипарадигмальности». Не является ли она показателем определённого методологического кризиса и не свидетельствует ли о начале «межпарадигматического периода» (Ю.С. Степанов), задаются вопросом философы и лингвисты. И ответ, по мнению большинства, скорее всего положительный, во всяком случае, судя по тому интересу, с которым сегодня в различных дисциплинах обсуждаются вопросы философской концепции синергетики, связанной с нелинейным взглядом на мир, что эксплицируется в идеях многовариантности, альтернативности путей и темпов эволюции, детерминированности случайности и взаимопереходов хаоса и порядка.

Перешагнув порог нового века и оглядываясь на теперь уже историю, но ещё близкую, лингвистики XX века, можно на основании лично наблюдаемых фактов согласиться с её «маятниковым» развитием и попытаться предсказать, в какую сторону он отклонится сегодня. Однако, если в языке смогут быть достоверно «опознаны» процессы, которые носят синергетический характер, то *несколько парадигм могут находиться в отношениях дополнительности* «так как ... (в синергетике) ... возможно осуществление совмещения ... (нескольких) ... подходов в рамках более общей концепции, в которой объекты и артефакты включаются в иной парадигматический ряд и становятся предметом сопоставления и сравнительной оценки на основе иных интегративных свойств и характеристик» [9]. Именно такой интегративный подход может оказаться плодотворным для изучения путей развёртывания речевой деятельности.

Мы дали перечень актуальных для лингвистики XX века парадигм, так как становление теории перевода - этого вторичного вида деятельности, самым тесным образом связано с каждой из них. Эта связь не носит жесткой однозначной зависимости. Элементы одного подхода могут угадываться и подготавливаться в недрах другого, сосуществовать и эволюционировать, стремясь высветить сущностные черты изучаемых явлений и процессов и воплотить их в различные модели в соответствии с оптимальными целями исследователя.

На сегодняшний день количество существующих моделей настолько велико, аспекты их рассмотрения настолько разнообразны, что единодушное признание специалистами «молодости» теории перевода (а это, пожалуй, единственное, что не вызывает споров) воспринимается с некоторым оптимизмом. Ориентация на «карте местности» перевода затруднена не только из-за сложности его природы, предполагающей «борьбу и взаимовлияние двух картин мира, двух языковых и художественных систем, двух - авторских - создателя оригинала и перевода - концепций действительности и её художественного воплощения и, наконец, борьбу единичного с общим, вызванную стремлением переводчика к воссозданию целостного эстетического впечатления и сохранению всех стилистических черт оригинала» [10]. Она обусловлена и *нечеткостью предметно-объектного статуса, различием в системах предпосылочных знаний и исходных допущений теоретиков, приоритетом определённых операциональных процедур, используемых в его моделировании*.

Широко цитируемое сегодня определение XX века как «века перевода», на наш взгляд, имеет все основания. В России это связано прежде всего с подлинным взлётом *переводческой активности художественной литературы*, начиная с деятельности, инициированной М. Горьким в 20 - 30-х годах, по созданию издательства «Всемирная литература», продолженной в связи с ознакомлением с творчеством писателей народов СССР и блистательно воплотившейся в выпуске 200-томной серии «Библиотеки всемирной литературы», где было представлено высокое качество перевода зарубежных авторов на русский язык.

Развитие информационных оригинальных концепций в зарубежном переводоведении. Например, согласно «скопос-теории технологий, расширение международных контактов и интеграционных процессов на геополитической арене обусловили актуальность *информативного*

перевода - текстов делового, научного, общественно-политического, рекламного и др. характера. Подобная деятельность потребовала увеличения количества специалистов-переводчиков, а также способствовала их появлению» (скопос - цель) (К. Райс, Х. Фермеер [11], Ю. Хольц-Мянттари [12]). Перевод как акт коммуникации имеет определённую цель, и единственным критерием качества перевода может служить только факт достижения этой цели. Подразумевается, что переводчик - это эксперт в области языка и принимающей культуры, текстовик, который умеет «проектировать» тексты, обладая не только языковой, но и коммуникативной компетенцией, волен вносить любые изменения в исходный текст ради достижения поставленной цели. Эта теория, естественно, не претендует на статус общей, но, как совершенно справедливо отмечают её сторонники, она *сделала переводчика* заметным и *необходимым звеном* производственной деятельности, повысила его статус и престиж.

Расширение международных контактов способствовало развитию различных видов *устного перевода*, в том числе и *синхронного*. Технические возможности XX века позволили Г. Финли, инженеру компании IBM, создать в 1926 г. оборудование для синхронного перевода, но признание синхрона в полной мере осуществилось в середине 40-х, во время Нюрнбергского процесса. В настоящее время успешное функционирование многих международных организаций, проведение конференций и симпозиумов немыслимо без синхронного перевода.

Однако придирчивый исследователь вправе возразить: несмотря на впечатляющие успехи перевода XX века, его история начинается значительно раньше и восходит к глубокой древности - к событиям, описанным ещё в Первой книге Моисеевой, когда произошло смешение языков, и «один перестал понимать речь другого». Вся последующая переводческая практика, преимущественно связанная с переводом художественным (хотя, например, в России в Петровскую эпоху на его долю приходилось лишь 4%, а остальное составляли научные и специальные тексты), является неоспоримым тому свидетельством. Эволюция многовековой переводческой мысли, смена господствующих принципов перевода, обусловленная взаимодействием литературных традиций, политических и религиозных пристрастий, культур до недавнего времени являлись мало исследованной сферой в отечественном переводоведении и были представлены лишь в нескольких работах [13; 14]. Но вышедшие в 1999 году книги Л.Л. Нелюбина и Г.Т. Хухуни, посвящённые истории и теории зарубежного и русского перевода, восполняют этот пробел [15; 16]. Этому же способствует и формирующаяся научная *историография переводоведения*, в задачи которой входит изучение истории и особенностей переводческой деятельности в различных социо-культурных ареалах. Уже проведён анализ переводческого наследия в раннем (долингвистическом) периоде, концептуально-методологическое рассмотрение сформировавшихся современных направлений в США, Канаде и Франции, Великобритании [17 – 20] и др.

Актуальность исторических исследований заключается в том, что они предоставляют возможность увидеть в переводческой практике античности, средневековья, возрождения и нового времени тот круг проблем, вокруг которых велись постоянные дискуссии. Некоторым из них суждено было развиться в отдельные нормативные концепции, а позже в общепризнанные теоретические построения, некоторые до сих пор не получили однозначной трактовки, но широкая историческая перспектива даёт больше шансов на это.

Среди таких проблем в первую очередь привлекают внимание противоборствующие тенденции *буквального* и *вольного* переводов. Если первый предписывал неукоснительно следовать букве подлинника, то последний ставил своей задачей приспособить «несовершенный» оригинал к идеалам, вкусам и эстетическим канонам публики путём его улучшения и исправления.

Дихотомия «слово - смысл», «дословный - вольный перевод» на протяжении веков вызывала споры. ставила перед переводчиками новые задачи, решение которых хотя и не имело характера четко сформулированных концепций и не было оформлено в отдельные теории, тем не менее легло в основу современных теорий перевода. Постепенно в процессе переводческой практики,

размышлений о литературных, эстетических и политических канонах своего времени преимущество вольного, свободного перевода над буквальным стало очевидным. Ещё в I веке до нашей эры Цицерон отмечал, что в своих переводах он стремился передать мысли, а не слова: «... я не имел надобности переводить слово в слово, а только воспроизводил в общей совокупности смысл и силу отдельных слов; я полагал, что читатель будет требовать от меня точности не по счёту, а, если можно так выразиться, по *весу*» [21].

«Прекрасные неточности» вольного перевода порою довольно далеко разводили автора и переводчика, но подобные изменения подлинника находились в полном соответствии с наметившимися тенденциями в практике и считались вполне уместными, хотя в спорах переводчики пытались решить, каким должен быть вольный перевод: «Должен ли он быть зеркальным отражением оригинала как в плане языковых, так и в плане культурных форм? И будет ли он в этом случае *свободным*? Либо перевод должен представлять собой текст, адаптированный к языковым и культурным формам переводящего языка?» [22]. Единого мнения в этом вопросе достичь не удалось. К XVII в. в Англии, например, получила признание антиномия, по современной терминологии Л. Венути, *доместикационного - форинизирующего* методов перевода [23]. Доместикационный перевод адаптировал оригинал к языковым нормам и доминирующим ценностям принимающей культуры. Именно об этом методе М. Гаспаров позже скажет: «...вольный перевод...стремится, чтобы читатель не чувствовал, что перед ним - перевод... и поэтому насилует стиль подлинника» [24].

Форинизирующий перевод стремился сохранить лингвистические и культурные особенности оригинала, перенося читателя в неизвестный ему мир, время, окружение, знакомя с иными ценностями и художественными образами. Этим отличались переводчики первой четверти XIX в., романтики, для которых подлинник часто становился «материалом для вольных вариаций».

Таким образом, на протяжении веков практика перевода, стремясь как можно лучше справиться с возложенными на неё задачами, следовала нормам языка и нормам культуры, существовавшим в обществе, хотя они и менялись в зависимости от времени и места. По мнению А.Д. Швейцера, важнейшим элементом системы культуры являются социокультурные нормы перевода, «представляющие собой совокупность наиболее общих правил, определяющих выбор стратегии перевода и отражающих те требования, которые общество на том или ином этапе своего развития предъявляет к переводу» [25]. Далее, ссылаясь на Иржи Левого, он приводит примеры *национальной* вариативности языковой нормы. Так, у французов существовала установка переводить стихи прозой, а в чешской, словацкой и венгерской литературах это считалось нарушением нормы, как и передача александрийского стиха белым, пропуск каламбура или исторической аллюзии.

Таким образом, переводческая практика демонстрировала явное несоответствие между подлинником и оригиналом по степени полноты, точности переводимой информации - в переводе всегда обнаруживался недостаток чего-либо и одновременно привнесённое дополнение. Доместикация и форинизация старались уравновесить друг друга. Единственным «путеводителем» для переводчика (не считая вышеупомянутых норм) являлась его интуиция, талант и чувство меры в определении либо возможной степени адаптации оригинала к языку и жизни нового читателя, либо его (читателя) способности и готовности сориентироваться, переработать и «присвоить/не присвоить» информацию о чуждой ему действительности и образе мыслей.

Случаи смыслового и художественного несоответствия двух текстов заставляли переводчиков усомниться в *самой возможности* адекватного переводческого процесса, в потенциальной способности переводчика уловить, а самое главное передать своеобразие и прелесть подлинника. И сегодня известное сравнение Сервантеса, прозвучавшее в начале XVII века, имеет своих сторонников: «...перевод... – это всё равно что фламандский ковёр с изнанки; фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости и нет тех красок, которыми мы любимся на лицевой стороне» [26].

А.В. Фёдоров усматривал в этих словах прежде всего осознание того факта, что художественный текст (а нам представляется, что высказанное наблюдение характерно для любого текста и не зависит от его функционально-стилевой принадлежности) обладает языковым своеобразием и органически связан с определённым языком. «Для своего времени подобное суждение несомненно означало шаг вперёд в развитии лингвистической мысли, было критично и в своём роде прогрессивно, ибо означало *отказ от наивного представления о различных языках как о вполне тождественных способах выражения одних и тех же мыслей*» (курсив мой - Т.П.) [27].

Интуитивная, только наметившаяся мысль о своеобразии языков, о тщетности попыток найти средства для перевыражения отдельных нюансов с одного из них на другой век спустя получила мощное подкрепление у видного переводчика античной литературы, который доказывал, что «духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникают друг в друга, что, коль скоро существует одно, другое можно вывести из него. Умственная деятельность и язык способствуют созданию только таких форм, которые могут удовлетворить их обоих. Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык - трудно себе представить что-либо более тождественное» [28]. В. фон Гумбольдт, считал, что в процессе перевода переводчик пытается разрешить «невыполнимую задачу», пытаясь успешно сочетать точную передачу подлинника с полным учётом вкуса и своеобразия языка народа, на чей язык он переводит произведение.

Идеи Гумбольдта были подхвачены современниками, позже развиты его последователями не только в Европе, но и на других континентах. Однако у них были и оппоненты, имевшие убедительные аргументы против теории непереводаемости - самым мощным и убедительным из них являлась переводческая практика. Многовековая практическая деятельность не могла не привести к выделению отдельных методов перевода, к определённым обобщениям, правилам, запретам, рекомендациям, но она же породила ещё больше вопросов, споров и неясностей. Все эти неясности была призвана разъяснить *общая теория перевода*, которая возникла, оформилась, получила статус самостоятельной науки именно в XX в., выступая ещё одним аргументом, на наш взгляд, самым серьёзным, в пользу признания его «веком перевода».

Как любая молодая наука, она должна была пройти этап первоначального накопления знаний, информации о себе, своём объекте, предмете, моделях и аспектах изучения. Специалисты вынуждены согласиться с тем, что на сегодняшний день *ни одна из огромного количества существующих концепций и принципов не задаёт какой-либо закономерности перевода*. Более того, исследователи указывают на парадокс, сложившийся в современном переводоведении: «...растёт число теоретических работ, в которых делаются попытки уточнения и детализации существующих переводческих моделей, но значение их, а самое главное, использование в деятельности переводчиков, сводится к минимуму» [29].

С данным утверждением, к сожалению, нельзя не согласиться. Но, несмотря на все недостатки и противоречия, переводоведение проделало «головкружительный путь от периферийной отрасли литературно-лингвистических исследований, за которой далеко не всеми признавалось даже право на самостоятельное существование, до широко разветвлённого междисциплинарного научного направления» [30].

Становление новой науки было непростым. Дисциплинами, которые в равной степени положили ей начало, являлись лингвистика и литературоведение. В отдельные моменты развития соотношение между ними менялось, но неизменным оставался острый полемический характер рассмотрения базовых категорий и терминов. Попытки создать комплексную концепцию перевода, где на равных сосуществовали бы все его виды, в том числе и художественный перевод, сменялись «изоляционистскими» настроениями, когда сторонники лингвистической теории перевода обвинялись в формализме и стремлении навязать свои рецепты переводчикам-практикам, для которых незыблемо существовал «примат» литературных аспектов над лингвистическими. Художественный перевод объявлялся самостоятельной дисциплиной,

творческим литературным процессом, соприкасающимся с общей переводческой проблематикой только в той мере, в какой «художественная литература является искусством слова, и её первоэлементом также выступает слово. Слово складывается в текст, и хотя текст есть «место встречи» лингвистики и литературоведения, подход к нему может быть разным» [31].

Ещё одним доводом в пользу невозможности для художественного перевода остаться в рамках теории перевода является попытка некоторых учёных, в том числе и таких известных специалистов, как Дж. Кэтфорд [32] и Ю. Найда [33], отождествить перевод с сопоставительным языкознанием на том основании, что оба имеют дело с двумя языками и исследуют соотношения между ними. Выступая против такого упрощения переводческого процесса и даже признавая лингвистику неотъемлемой его частью, сторонники художественного перевода здесь же торопятся «вырваться» за пределы лингвистического: «...Конечно, без лингвистики здесь не обойтись, но она истолковывает лишь низший уровень переводческого творчества, тот, на котором снято различие между текстами разных типов, между газетой и романом, учебником физики и «Божественной комедией», дипломатическим документом и Библией» [34]. Соглашаясь с возражениями Е.Г. Эткинда, направленными против попыток «растворить» предмет перевода в сопоставительном языкознании, А.Д. Швейцер правомерно указывает на специфику, стоящих перед переводом задач, связанных с выявлением механизма этого процесса, с выявлением логики переводческих решений, отмечая, что чрезмерное сужение лингвистической теории перевода сводит её к элементарному противопоставлению форм [35].

Вместе с тем, несмотря на существующие противоречия в лингвистических и литературоведческих подходах, каждый из них способствовал выявлению уникальной природы перевода, являлся ступенью к его познанию и попытке сформировать его общую теорию.

Так, художественный перевод как творческий процесс обогатил переводоведение практикой исходить при переводе не из слова, а учитывать всё то, что стоит за ним: «мысли, факты, состояние, действие, внутреннюю логику и связь изображаемого, весь живой образный контекст, а иногда и подтекст, всю жизненную конкретность произведения» [36]. Более того, в работах наиболее последовательных противников лингвистической теории перевода обнаруживаются ценные сведения и интересные факты именно языкового характера, например, у К.И. Чуковского в его книге «Высокое искусство» [37] или у Г.Р. Гачечиладзе в работе «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» [38]. Это вполне объяснимо, так как в переводе язык выступает основным средством в решении многих задач на понимание. Подтверждением этому служит программная мысль А.В. Фёдорова о том, что «лингвистический путь изучения, не являясь достаточным для постановки и решения *всех* проблем перевода (в частности художественного), безусловно является *необходимым* в деле их исчерпывающего исследования» [39].

Имея в своём распоряжении огромный фактический материал и богатый опыт, переводческая практика нуждалась в их осмыслении и упорядочении, в выявлении *закономерностей*, обуславливающих обращение к тем или иным *приёмам и способам* перевода, а также в объективной возможности их последующей *верификации*. Помочь сориентироваться во всех этих проблемах и должна была общая теория перевода, началом которой традиционно считается появление в 40-х годах книги А.В. Фёдорова «О художественном переводе», которая намечала общие принципы *лингвистического подхода* к переводу текста.

Далее эволюция теории перевода, как мы уже отмечали, последовательно совпадает со сменой парадигм в языкознании, демонстрируя смену своего объекта: от лингвостатического (текст) до психодинамического (процесс перевода) и позже до вполне логического их взаимодействия.

Аналогичным образом происходило и преобразование *предмета* новой дисциплины в полном соответствии с принципами роста научного знания. Известно, что развитие науки, формирование нового идёт двумя путями: эволюционным (кумулятивным) и революционным, и перевод в этом плане не является исключением. Это требует некоторых пояснений. Е.С. Кубрякова, рассуждая о понятии парадигмы научного знания в лингвистике, цитирует Д.И. Руденко: «...в ряде ситуаций

развитие лингвофилософских парадигм детерминировано не столько обнаружением принципиально новых реальностей, тем более категорий, сколько выявлением возможностей новых интерпретаций в принципе уже известных фактов» и особо подчёркивает, что в лингвистике «новой реальностью» становится сама *новая интерпретация фактов.*» (курсив мой - Т.П.) [40]. Именно эта *новая интерпретация фактов* выступает главным основанием для смены подходов в переводе.

Что касается второго типа познавательной деятельности - революционного, то основные возражения против его применения в лингвистике связываются с отрицанием существования в языкознании резких «парадигм разрыва», то есть с существующей преемственностью в этой науке. Однако Е.С. Кубрякова соглашается с Р. де Бограндом в том, что учёт традиций прошлого принимает в лингвистике весьма неожиданные формы «прыжков к предкам». Иначе говоря, «отвергая своих непосредственных предшественников, учёные используют в то же время гораздо более ранние источники, благодаря чему «парадигмы разрыва» характеризуют прежде всего смену смежных поколений, но они существуют, и их нельзя не признать» [40]. Переводоведение ещё слишком молодо, чтобы делать далеко идущие выводы о «прыжках к предкам», но в качестве примеров «перескоков» можно привести обращение современных сторонников культурологических аспектов перевода к идеям В. фон Гумбольдта и Ф. Боаса.

Таким образом, длительный период индивидуальных поисков и озарений, интуитивных технологий и концептуальных разочарований, присущих *переводческой практике*, окончился формированием науки о *теории перевода*. Её становление в России носило острый полемический характер. Даже краткий обзор современной литературы по этому вопросу свидетельствует о существовании разнообразных моделей, которые сформировались на определённых этапах развития этой науки, и аспектах преимущественного рассмотрения материала, однако совершенно очевидно, что ни одна из них не может претендовать на то, чтобы занять ведущее положение. Во-первых, это обусловлено характером перевода: он, как правило, не осуществляется по одной единственной модели, а во-вторых, логическим основанием самой модели: ни одна из них не является полной и не исчерпывает всех свойств объекта. «В науке мы каждый раз при моделировании вычленим определённые свойства объекта, оставляя другие вне своего рассмотрения» [41]. Отсюда следует, что первоочередная задача теории перевода заключается не столько в сравнительно-оценочном изучении существующих моделей, сколько в способности предвидеть, какой аспект переводческой проблематики может помочь разрешить каждая новая парадигма знаний.

Библиографический список

1. Язык и наука конца XX века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995.
2. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века. Вопросы языкознания. 1996. №2. С. 19-42.
3. Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров / Под ред. Ф.М. Березина. М., 2000.
4. Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. статей / Под общ. ред. Л.М. Босовой. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. С. 4.
5. Березин Ф.М. О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2000. С. 9-21.
6. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144-238.
7. Паршин П.Б. Цит. соч. С. 27, 38.
8. Кибрик А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вест. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. М., 1995. № 5. С. 84-92.
9. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. С. 7.
10. Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX в. в Испании и Латинской Америке. М., 1998. С. 4.
11. Reiss, R., Vermeer, H J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen, 1984.
12. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода Проблемы переводоведения в освещении зарубежных учёных. М.: ЧеРо, 1999.
13. Копанёв П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972. С. 105-174.
14. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд., М.: Высш. школа, 1983.

15. Нелюбин Л.Л.; Хухуни Г.Т. История и теория перевода в России. М.: Моск. пед. ун-т, 1999.
16. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История и теория зарубежного перевода. М.: Сигнал, 1999.
17. Комиссаров В.Н. Цит. соч.
18. Полютова О.Н. Концептуально-историческое исследование переводоведения в США. Канд. дисс. М., 1999.
19. Калинин И.В. Современное переводоведение Франции и Канады (концептуально-историческое исследование. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.
20. Убоженко И. В. Теоретические основы лингвистического переводоведения в Великобритании. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2000.
21. Фёдоров А.В. Цит. соч. С. 25.
22. Убоженко И. В К истории развития переводоведения в Великобритании. // Тетради переводчика. Вып.24 / Под ред. С.Ф.Гончаренко. М.: МГЛУ, 1999. С. 165-179.
23. Venuti, L. Translation and the Formation of Cultural Identities. // Cultural Functions in Translation. Clevedon, 1995.
24. Гаспаров М. Брюсов и буквализм. // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. С. 41-54
25. Швейцер А.Д. Перевод как акт межкультурной коммуникации. // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации М.: МГЛУ, 1999. Вып. 444. С. 180-187.
26. Сервантес Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Ч. 2. М., 1970. С. 463.
27. Фёдоров А.В. Цит. соч. С. 26.
28. Гумбольдт В.фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX вв. в очерках и извлечениях. Ч. I. М.: Просвещение, 1964. С. 85-104.
29. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его коммуникативно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998. С. 69-70.
30. Цвиллинг М.Я. Переводоведение как синтез знаний. // Тетради переводчика. Вып. 24. / Под ред. С.Ф. Гончаренко. М.: МГЛУ, 1999. С. 32-37.
31. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. С. 32.
32. Catford, J. A. Linguistic Theory of Translation. London, 1965.
33. Nida, E. Towards a Science of Translation. Leiden, 1964.
34. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. С. 12.
35. Швейцер А.Д. Цит. соч. С. 12.
36. Кашкин И.А. Вопросы перевода // Перевод - средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика / Сост. А.А. Клышко. М.: Прогресс, 1987. С. 327-358.
37. Чуковский К.И. Высокое искусство. М., 1964.
38. Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М., 1972.
39. Фёдоров А.В. Цит. соч. С. 17.
40. Кубрякова Е.С. Цит. соч. С. 163-164.
41. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики М.: Смысл, 1997. С. 10.